

ОТ КОЧЕВИЙ К НОМАДОПОЛИСАМ: УРБАНИСТИКА КАЗАХСТАНА МЕЖДУ НАСЛЕДИЕМ И AI

Асия Нурдубаева¹

¹Казахская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова (Алматы, Казахстан)

Аннотация. В условиях глобальных урбанистических вызовов особую актуальность приобретает поиск моделей устойчивого развития, ориентированных на культурные и территориальные особенности. В исследовании рассматривается потенциал трансформации кочевого наследия как концепта основы новой урбанистической парадигмы, определяемой как неонеомадизм, которая объединяет мобильность, цифровые технологии, экологически сбалансированную организацию среды и символические практики культуры. Внимание фокусируется на системе родовых связей и сакральных топосов в организации пространства при концептуальном формировании пространственной идентичности. В качестве постановки проблемы выдвигается идея о том, что пространство может выступать не только как физическая оболочка, но и как носитель культурной семантики, формирующий поведенческие и когнитивные сценарии обитания. Подчеркивается, что традиционные кочевые пространственные структуры мышления и жизнедеятельности могут быть актуализированы в контексте современной градостроительной культуры, предложив принципы устойчивого, нелинейного развития. Пространство в таком подходе понимается как живой организм, меняющийся в зависимости от маршрутов, памяти, ритуалов и символических значений, встроенных в культурный ландшафт, и развивающий понятие центра и периферии, при котором цикличность и гибкость децентрализируют среду, оставляя место межпространственной адаптивности и локализации. Неонеомадизм рассматривается как концепция альтернативной философии проектирования, способная соединить традиционные формы с современными запросами, на платформе цифровизации, включая миграционные потоки, климатическую нестабильность и растущее отчуждение от существующей среды, предложив новую культурную логику формообразования и восстановления территориальной эмпатии.

Ключевые слова: неонеомадизм, урбанизм Казахстана, культурная устойчивость, технологический прогресс, кочевое наследие, адаптивная урбанистика, цифровые платформы.

Для цитирования: Нурдубаева Асия. «От кочевий к номадополисам: урбанистика Казахстана между наследием и AI». *Central Asia Journal of Art Studies*, т. 10, № 2, 2025, с. 113–134, DOI: 10.47940/cajas.v10i2.1079

Благодарность: Автор выражает признательность редакционной коллегии Central Asian Journal of Art Studies за редакционное сопровождение и методическую поддержку в процессе подготовки статьи к публикации. Данная статья опубликована за счет проекта (источник финансирования – Комитет науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан BR 28511965).

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи и заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Введение

Неонеомадизм и степные алгоритмы в контексте цифрового урбанизма Казахстана предполагают концептуализацию философии урбанистической модели, поэтому неонеомадизм рассматривается не как культурный тренд, а как прикладная урбанистическая парадигма, которая интегрирует цифровые технологии, мобильную инфраструктуру и элементы культурного наследия кочевой аутентичной культуры. Вопрос: возможно ли сформировать основу для устойчивого развития городской среды на территориях с кочевым прошлым. Такой подход позволяет предложить рассуждения в рамках философии неонеомадизма в качестве стратегической модели урбанистического прогноза, ориентированного на гибкость, сиюминутную адаптацию и культурную идентичность. Особое внимание уделяется основам пространственного моделирования традиционной сферической пространственности и возможности цифровой репрезентации киіз үй (юрта), как архетипа модульной архитектуры кочевого общества. В исследовании этот элемент осмысливается не как этнографический артефакт, но как потенциальная основа для

современного мобильного жилья.

Такая реконцептуализация может стать основой для постановки проблемы для новой типологии городского проектирования, соответствующей условиям экологической устойчивости и культурной преемственности.

Мультидисциплинарный подход при концепции посткочевого урбанизма необходим, объединив философию, урбанистику, семиотику и цифровые технологии. Такое осмысление позволяет критически осмыслить традиционные модели пространственной среды многотысячелетнего кочевого жизнеустройства и переосмыслить их в контексте современных урбанистических предложений, которые делают необходимым обращение к семиотике пространства в построении альтернативных сценариев городского развития, где с реализацией предложенной концепции необходим междисциплинарный диалог и институциональная поддержка госструктур, что отвечает направлению, которое выбрало правительство в программе «Цифровой Казахстан» (“Digital Kazakhstan”). Таким образом, научная новизна в исследовании присутствует как концептуализация неонеомадизма, его очертаний как урбанистической модели, сочетающей

принципы мобильной инфраструктуры в контексте использования культурного наследия. Например, предложение разработки модульной архитектуры, необходимой при развитии мобильности на основе архетипа пространства — киіз үй, ставит задачу энергоэффективного, мобильного и адаптивного модуля, что предполагает интеграцию логики кочевого освоения пространства — смены сезонности и ее материальности, цикличности, — возвратных возможностей, то, что может стать предпосылками планирования городской среды, отвечающей принципам современной урбанистики, — «постномадического урбанизма» Казахстана. Теоретические контуры рассуждений охватывают понимание философии пространственности, постструктурализма и экзистенциализма применительно к урбанистическим процессам. Практическая значимость такого исследования может стать опорой при интегрировании программы «Цифровой Казахстан», которая уже провозглашена после пандемии увеличился контингент работающих на удалённой работе в проектировании полицентричных агломераций, адаптивной архитектуры и общественных пространств нового типа с учетом новых направлений масштабного структурирования территорий, как инструмента культурной регенерации и пространственной справедливости в урбанизирующемся Казахстане. Современные теории городского развития и образа жизни всё чаще опираются на динамичные, адаптивные модели, стирающие границы между физическим и цифровым состояниями, постоянным и временным, поэтому неонеомадизм, в отличие от традиционного кочевничества, связанного с сезонными перемещениями, выражает саму философию мобильности — гибкость мышления, отсутствие жёсткой привязки к месту, переход от физических

перемещений к цифровой и ментальной подвижности. Такой образж предполагает цифровых кочевников фрилансеров, демонстрируя особую форму поведения в урбанистической среде, где городское пространство вможет принимать формы временных стоянок — от коворкингов до модульных жилых капсул. В то же время цифровая урбанистика делает акцент на технологиях: big data, AI и платформенных решениях, превращающих город в «умную» систему, где важна не столько территория, сколько связи и данные. Если неонеомадизм подчёркивает индивидуальную адаптивность, то цифровая урбанистика — это скорее инфраструктурный подход, оптимизирующий потоки людей, услуг и ресурсов. Такие направления сталкиваются с существующим запросом на устойчивое развитие, которое требует баланса между инновациями и сохранением среды. Поэтому урбанистика, ориентированная на долгосрочную жизнеспособность, ориентируется не только на экологию, но и на экономику, привлекая элементы исторической идентичности — культурные коды, мифопоэтику пространства, что особенно важно в постномадических контекстах.

Интересно то, как эти концепции пересекаются в гибридных формах проживания: от капсульных отелей до этнически вдохновлённых модульных поселений. Но если цифровые сети видят город как поток данных, а устойчивое развитие — как систему балансов, то неонеомадизм добавляет сюда пространственную память — идею о том, что даже временные структуры, их конфигурация, понятие центра и периферии несут след культурной преемственности и взаимодействия с исторической средой. Таким образом, современная урбанистика движется между полюсами технологической эффективности и человека ориентированной гибкости, где

цифровые решения ищут новые формы существования.

Методы исследования

Теоретические методы — философский анализ: Интерпретация концепций номадологии, экзистенциализма.

Компаративный анализ: сравнение кочевых практик с современными урбанистическими моделями.

Неономадизм и степные

алгоритмы в контексте цифрового урбанизма Казахстана предполагают концептуализацию неономадизма как урбанистической модели, поэтому в настоящем исследовании неономадизм рассматривается не как культурный или философский тренд, а как прикладная урбанистическая парадигма. Она интегрирует цифровые технологии, мобильную инфраструктуру и элементы культурного наследия, формируя основу для устойчивого развития городской среды на территориях с кочевым прошлым. Такой подход позволяет предложить неономадизм в качестве стратегической модели урбанизма, ориентированной на гибкость, сезонную адаптацию и культурную идентичность. Особое внимание уделяется цифровой репрезентации киіз үй (юрта), как архетипа модульной архитектуры кочевого общества. В исследовании этот элемент осмысливается не только как этнографический артефакт, но и как потенциальная основа для энергоэффективного, мобильного жилья. Такая реконцептуализация может стать основой для новой типологии городского проектирования, соответствующей условиям экологической устойчивости и культурной преемственности.

Мультидисциплинарный подход при концепции посткочевого урбанизма предполагает, что исследование объединяет философию, урбанистику, этнографию и цифровые технологии. Такой подход позволяет

критически осмыслить традиционные принципы кочевого жизнеустройства и переосмыслить их в контексте современных урбанистических вызовов. В исследовании подчёркивается значимость пространственной памяти и семиотики пространства в построении альтернативных сценариев городского развития, где с реализацией предложенной концепции необходим междисциплинарный диалог и институциональная поддержка госструктур при, провозглашаемой устойчивости, цифровизации и идентичности в современной градостроительной культуре Казахстана.

Дискуссия

Глобальный тренд на «культурную устойчивость» в градостроительстве ставит перед исследователями практически невыполнимую задачу: как совместить аутентичность традиций с требованиями технологической эпохи, что порождает кризис понимания от Токио до Осло, и как найти баланс между наследием и инновациями, который приобретал различные формы: от регионализма и неовернакулярного дизайна до адаптивной архитектуры и биоклиматического проектирования, стремящихся сохранить культурную идентичность при использовании передовых технологий и устойчивых решений. Таким образом, современные подходы к архитектуре постепенно превращаются в диалог тенденций понимания инертных процессов городской среды с ее прошлым и будущим, с принципами культурной стратегии, интерпретирующей заново все известные методы. «Важную роль играет формирование культурного ландшафта, — переход к гармоничному перетеканию искусственной и природной среды» (Воронина 177). Так, в условиях экологического кризиса и необратимости природных процессов, — активного

периода индустриального развития в Казахстане, когда было немало стихийных городов при производствах, раскиданных на большом расстоянии друг от друга, с не развитой локальной инфраструктурой, что усложняет пересмотр положений укоренения населения в новую идеологию архитектурного и градостроительного проектирования, которая тогда не учитывала экологический подход, локальные запросы культуры в освоении окружающего пространства. От чего возрастает роль культурного ландшафта, который предусматривает фундаментальные условия для создания пригодных для жизни устойчивых форм поселений. Однако, Казахстан, с его уникальным историческим кочевым прошлым, возможно, имеет принципиально иной путь — сделать петлю времени и проявить трансформацию своего мобильного перемещения в пространстве с цифровым инструментарием, что манифестируется как неонеомадизм. Именно в рамках сартровского экзистен-циализма можно рассуждать о том, что субъект в современных реалиях урбанизма не имеет фиксированной идентичности, что становится предпосылкой становления тенденций современного неонеомадизма, дав перспективу зарождающимся культурным тенденциям от XX века, где в рамках постструктуралистской теории субъект, все чаще определяется как децентрализованный конструкт личности, лишенный ареала обитания и Центра стабильности, тем самым, декларируя уход в деятельность и процессы жизни, но гибко реагируя на запросы и изменчивость среды, активно перемещаясь между центрами укоренения, и тем самым, пребывая в неопределенности качеств своей субъективности и идентичности, что и соответствует нарождающейся логике неонео-мадизма. Изначально, до момента преобразования городской среды субъект

создает себя сам, имея общие условия существования для всех, но, субъект «действующий», ему мало только того, чем он является в настоящий момент времени, т.к. существует его стремление выйти за свои границы и установить связь с будущими образами своего «Я». Жизнь в таких условиях — это процесс постоянного становления и перманентного трансцендирования. Это состояние субъекта в окружающей среде есть концепция, порожденная на стыке философии Великих исторических миграций, оставивших свой мировоззренческий след от степных регионов Евразии и, соединившись с цифровыми технологиями, все вместе способны менять стандартные урбанистические парадигмы, предлагая альтернативу жесткой статичности «каменных» Форм, выполняя в крайней своей проявленности и в коммодификации культуры направление «этнодиснейлендов». Если это спроецировать на принципы, провозглашённой государственной программы «Цифрового Казахстана», в которой манифестируется необходимость сочетания технологий, культуры и устойчивого развития, что позволит расширять во всех отраслях гибридные модели и, где могут быть: «традиции + инновации», что характерно для повседневной архитектурной деятельности. Также, роль государства важна в управлении цифровой трансформацией, став катализатором социально-экономических показателей при создании нового типа рабочих мест, при росте ВВП и т.д., что порождает этические аспекты — кибербезопасность, защита данных и т.д. Таким образом, на арену вышел новый церебральный сортинг — форма структуризация эволюционных процессов — цифровая система, которая приобретает не новые, но другие формы, когда возникают коммуникационные блоки, когда политика информационных потоков

изменилась, создав новый класс — «Цифровиков», которые будут выходить на новые рубежи управления средой и, которые будут контролировать содержательную часть Формы, став новой социальной силой. Казахстан, обладая уникальным кочевым наследием, демонстрирует парадокс постсоветской урбанизации, перейдя на линейную организацию пространства городов, переживая пространственную травматизацию (Kupko & Ashimova 78). Также, индустриальная модель породила города — спутники, нарушившие диалог с природным ландшафтом. Сегодня, в условиях экологического кризиса, требуется возврат к адаптивным принципам освоения пространства. Философия Делёза и Гваттари — «номадология» — становится актуальной, противопоставляя статике города динамику «кочевых» практик. Культурный ландшафт кочевников не предполагает линейного развития, а отражает ритмическую пульсацию времени — сезонные миграции, ритуальную цикличность, синхронизирующую жизнь с природой. Эта логика противоположна индустриальной урбанистике, фиксирующей идентичность в монументе: у кочевников идентичность создаётся в процессе перемещения — как установление «нульмерной единицы» пространства и времени, возникающих при каждом акте символического укоренения на земле. Такая укорененность неразрывно связана с заземлением рода, посредством родовой практики — жетіата, который создает доместикацию пространство под кочевой модуль на территории, посредством ритуала порождения, превращая новую территорию в носителя пространства во времени рода на «атақоныс» — каз.яз. земля предков (Нурдубаева 57). Это перекликается с идеями постструктурализма и экзистенциализма, где субъект трансцендирует

обстоятельства, и, как писал Сартр, человек проектирует себя в действии (Сартр 620). Подобно кочевнику, современный человек живёт в режиме перманентного становления и Зигмунд Бауман называл это «текучей современностью», где мобильность становится нормой (Bauman 22). Однако мобильность рискует превратиться в коммодификацию — переход культурного кода в товар, как проявление единицы освоения пространства «Этноаула», который становится большим сувениром, муляжом кочевой жизни, заменяя подлинный опыт, т.к. отсутствует сопоставительный анализ новой пространственности и традиционной и, то какие принципы необходимо взять в реальные условия, что порождает тезис о необходимости живого культурного ландшафта — как экологической и архитектурной практики, а не демонстрации музейного объекта. Если обратиться к принципам традиционной пространственности и модульности, то это киіз үй (юрта), как объект обладает архетипом адаптивного жилья, воплощающим модульность, сборно — разборную логику в конструкции, цикличность смены покрытий для проживания в условиях кочевого хозяйствования и, эта система не просто символ, а несущая в своей основе инженерное решение. Попытки её ревитализации предпринимаются на уровне декларации субъектных отношений: от ЮНЕСКО — признания материального наследия и до проектов в духе архитектурного метаболизма, как, идеи архитектора Сакена Нарынова 70—х гг., предполагавшего создать столп инженерной вертикали и горизонтальные ветви, с прикрепленными капсулами в модификации «трехслойного киіз үй». Однако концепт метаболизма — капсульное жилище, также, лежит в основе временных рор — ир структур, применяемых в массовом производстве по всему миру, став частью тренда

цикличности. Но цикличность устройства кочевой культуры предполагает иное планирование городской среды — с учётом сезонности, климатических условий и восстановления экосистем, а это не только эстетика, но и методологическая альтернатива жёстким индустриальным парадигмам. Таким образом, рассуждая, можно переосмыслить культурный ландшафт, как пространство непрерывного взаимодействия между памятью места, антропогенным воздействием и резильентностью экосистем, но необходимо отметить, что есть черты новой структуры связей для урбанизированных территорий, в соотношении: «культурная устойчивость vs. технологический прогресс», что в контексте казахстанского опыта возможно после того, как состоится анализ: «кочевое наследие vs. урбанизация», что поможет развивать диалог не только в философских рамках: «неономадизм + экзистенциализм», но и намечает практическую реализацию значимости адаптации на современных территориях в Казахстане. Одной из основных функций глобального контекста неономадизма является переход от идей футуризма к культурной регенерации локальной культуры, где мировое сообщество, осознав тупик универсальных урбанистических моделей, постепенно переходит к понятию регионализма, и к вниманию к гиперлокальным решениям, которые помогают учитывать идентичность места, становясь ключевым ресурсом. В Алматы ТОО «Научно-исследовательский институт „Алматыгенплан“» реализует инициативы по реконструкции культурного ландшафта города, выстраивая новые стратегии идентичности в условиях постглобализационной урбанизации. Одним из направлений становится выявление вернакулярных зон — районов, в которых сохраняется

уникальная локальная структура обитания и культурного наследия. Эти пространства рассматриваются как носители повседневной памяти, в которых воплощается неофициальная топография городской идентичности. Проекты по размещению информационных стел и созданию цифровых двойников районов, они представляют собой попытку визуализировать и архивировать эти зоны, превращая их в медийные объекты и культурные маркеры. Но такая стратегия сталкивается с ключевой дилеммой современной урбанистики — необходимостью социально-пространственного выравнивания, при этом, зачастую действуя вне экономических и инфраструктурных условий, которые продолжают воспроизводить структурное неравенство городской среды. В результате воспроизводятся стандартизированные практики символического включения малых архитектурных форм, типичные для эпохи поздней глобализации, не затрагивая глубинные основания пространственного отчуждения субъекта и объекта. Это свидетельствует о необходимости перехода от репрезентативных подходов к интервенционным моделям проектирования, ориентированным на трансформацию не только визуального, но и социально-материального каркаса города. Данный подход способствует формированию неравномерной и фрагментированной городской ткани, при которой городские пространства распадаются на изолированные функциональные зоны, не обеспечивающие целостного сценария проживания. Возникает эффект «архипелага функций», при котором доступ к базовым услугам, досугу, образованию и трудовой мобильности становится территориально и социально ограниченным, усиливая чувство пространственной разобщённости у

горожан. Это особенно остро проявляется в контексте Казахстана, где планировочные практики продолжают ориентироваться на моноцентрические модели, в то время как на уровне риторики и проектных заявлений всё чаще декларируются полицентричные урбанистические подходы. Однако, на деле полноценные агломерации, соответствующие международным критериям устойчивых полицентров — с иерархически выстроенной системой центров, функциональной взаимозависимостью, синхронизированной мобильностью и институциональной координацией — в Казахстане по-прежнему отсутствуют. Исключение частично составляет Павлодарская агломерация, где наблюдается относительная системность в размещении населённых пунктов и развитии функциональных связей. Даже крупнейшие урбанизированные регионы — алматинская и астанинская не есть агломерации, т.к. не соответствуют принципам агломерационной интеграции: административная фрагментация, отсутствие согласованной транспортной политики, разрозненные стратегии развития и инфраструктурные дисбалансы не позволяют им функционировать как единый метополисный организм.

К этим структурным вызовам добавляются социально-экологические последствия чрезмерной концентрации населения и функций в центральных ядрах крупных городов. В Алматы в «золотом квадрате» и, особенно, в Астане наблюдается гиперплотность застройки, приводящая к перегрузке инженерных систем, росту трафика, ухудшению качества воздуха и формированию устойчивого смога, который оказывает пагубное воздействие не только на центральные районы, но и распространяется на пригороды. Таким образом, стираются различия между «центром» и «периферией» как

экологической деградации, сохраняя социальное и пространственное неравенство. Современная урбанизация в Казахстане сталкивается еще с необходимостью переосмысления самого принципа и перехода от декларативного полицентризма к проектированию интегративных урбанистических систем, которые не только обеспечивают мобильность и инфраструктурную связанность, но и учитывают культурные и социальные особенности каждой территории. Это требует от проектировщиков не просто количественного роста городов, а качественной трансформации территориальной логики расселения, в которой агломерация — это не только пространственный, но и политико-экономический проект согласованного развития. Также, наблюдается обратная тенденция — рустификация (от лат. *rusticus* — «сельский, деревенский»), под которой понимается процесс проникновения сельских элементов, эстетики, поведенческих практик, визуальной идентичности и социальных моделей в городскую среду. Это приводит к трансформации пространственной, культурной и экономической организации устоявшихся городов. В условиях Казахстана рустификация представляет собой не только эстетический тренд, как это наблюдается в развитых урбанистических обществах, но и симптом глубоких социально-экономических трансформаций: в западной урбанистике этот процесс часто интерпретируется как поиск баланса между технологическим прогрессом и «возвратом к земле». Однако, для Казахстана такой подход требует критического переосмысления, чтобы избежать воспроизводства структурного неравенства под видом «естественного» порядка, что особенно важно в контексте устойчивых сельско-городских связей, сохраняющихся в силу патриархальных и кочевых

традиций. Более того, рустификация в казахстанском контексте связана с переходом между экономическими укладами, выразившимся в массовой миграции сельского населения в города в 1990-е годы — явлении, охватившем все постсоветские республики и ставшем реакцией на неравномерное распределение ресурсов и инфраструктуры, унаследованное от директивной индустриализации советского периода. Однако, в условиях развитых экономик это носит другой характер процессов агроурбанизма, где границы между городом и деревней становятся проницаемыми, а иерархия «центр—периферия» пересматривается в пользу включения элементов деревни в центр, что имеет в своей основе постколониальный вызов, т.к. универсализация западных моделей игнорирует опыт Глобального Юга (Brenner & Schmid 173). Поэтому можно говорить о том, что в Казахстане миграционные процессы стали не наступлением урбанизированных элементов в новую среду, а инструментом формирования альтернативных моделей урбанизации. Многосложность контекста имеет инфраструктурные изменения: чрезмерное и ускоренное строительство бизнес—центров, торгово—развлекательных комплексов и модернизация транспортной сети, как новые магистрали, развязки, структуры, дробящие исторические районы и формирующие «островки» без активной городской жизни как, например, проспект АльФараби в Алматы, рынок «Алтын Орда» и его перепрофилирование в транспортный хаб, а также и транспортные проекты и LRT — строительство третьей линии метро и продление BRT, — все сопровождается уплотнением застройки, без пропорционального пополнения инфраструктурой связей. Также, район завода им.Кирова предполагает перепрофилирование промышленных

зон под технопарки и учебные заведения при сокращении площади завода с 20,4 га до 5,4 га и создаёт разрыв в городской среде Алматы, и балансируя между модернизацией и сохранением городской идентичности. Проекты восстановления Дома Баума и кафе «Акку», «Карлыгаш», «Льдинка» (Огонек) показывают попытки интеграции исторических форм в модернизированной интерпретации с цитатами других периодов, но доминирование коммерческих и транспортных инфраструктурных изменений приводит только к усилению фрагментации городского пространства. Для устойчивого развития требуется системный подход, сочетающий экономические амбиции с социальными и культурными потребностями жителей в определенных сценариях городской среды. Также, социальные сети формируют дополнительные общественные пространства, что предстает как надстройка над физической средой и становится основой онлайн—коммуникаций для урбанизированных страт. Такие тенденции расширяют технологическую унификацию архитектуры в «интернациональном стиле», нивелируя эстетическую и культурную уникальность среды города, в то время как в развитых экономиках мира происходит другая тенденция — дегуманизации городской среды: рост технологической безработицы, формирование «лишних людей» в условиях роботизации и кризиса традиционных социальных связей, — такие проблемы в целом приводят к необходимости выработки синтетического подхода в урбанистике: проявлять понимание места человека с запросами цифровой информации в городской среде, таких как неонмадизм — концепция, акцентирующая на мобильности, отсутствии центра как структурирующей единицы,

разыгрывающей «временность» и «текучесть» современности, как ключевых черт постгородского пространства.

Можно отметить, ключевой принцип неономадизма — отсутствие центра, т.е. создается противоречивая перспектива для общественных пространств, отрицающая сакральный ландшафт, аутентичной кочевой культуры — «атақоныс», который символизирует землю отцов; отчий край; прародину, которая функционирует как «место памяти» (*lieu de mémoire*) в терминах Пьера Нора, где «память кристаллизуется и замыкается в себе, чтобы противостоять времени и забвению». Можно добавить, что «места памяти рождаются и живут благодаря тому, что создают вокруг себя ауру символического. Они существуют благодаря своей способности реконструировать бесконечно возобновляемый акт своего зарождения» (Нора 7). Такой акт самовоспроизводства и отличает тюркскую кочевую культуру: «новое место vs новое время». Современные урбанистические и социальные трансформации, связанные с неономадизмом, ставят вопрос о переосмыслении пространственных, экономических и культурных парадигм, т.к. эта концепция, укоренённая в философской традиции «номадологии» Жюлья Делёза и Феликса Гваттари, противопоставлена статичным структурам оседлости: динамичным формам существования, основанных на мобильности и гибридации физических и цифровых реальностей (Делёз и Гваттари 351). Однако, в контексте Казахстана, где урбанизация сохраняет черты «незавершённости», как заброшенные поселения вокруг промышленных зон, при отсутствии инфраструктурных и социальных платформ, способных гармонизировать глобальные тренды с локальной спецификой развития территорий,

где отсутствуют технологические предпосылки, как раз неономадизм может рассматриваться не как следование моде, а как адаптивная стратегия пространственного развития, ориентированная на использование историко—культурных моделей мобильности в условиях современных вызовов. И, приводя еще и экономические предпосылки, можно отметить экономический контекст перехода к «четвёртому технологическому укладу», который характеризуется цифровизацией общественного воспроизводства, трансформируя субъектность человека в городской среде. Как отмечает Зигмунд Бауман — «текучая современность» (*liquid modernity*) превращает мобильность в новую социальную норму, порождая «цифровых кочевников» — агентов, чьё существование опосредовано гиг—экономикой и удалённой работой (Бауман 8). Так, гиг — термин распространился на любую временную или проектную работу, что стало возможным благодаря развитию интернета и цифровых платформ, упростивших поиск исполнителей. Однако эта гибкость несёт риски: рост прекариата¹, обусловленный отсутствием социальных гарантий у самозанятых, как у водителей такси — Uber, Yandex. В Казахстане подобные процессы усугубляются недооценкой исторического контекста урбанизации, где критика «псевдогородов» как «незавершённых систем» часто игнорирует их связь с идеологией советского индустриального наследия, совмещая все эти тенденции в бесперспективность развития многих территорий. Также и пространственные

¹Прекариат (от англ. precarious — «ненадежный») — социальный класс, состоящий из людей с нестабильной занятостью, отсутствием гарантированного дохода и социальной защиты.

парадоксы и постколониальный вызов, с концепцией «пост метрополиса» Эдварда Сойи акцентирует внимание на фрагментации городских пространств, где временные сообщества и мобильные практики доминируют над традиционными формами оседлости (Soja 13–14). Однако универсализация западных урбанистических моделей, как подчёркивают Анануя Рой и Женифер Робинсон, приводит к игнорированию культурного разнообразия и постколониальных стратегий, указывая, что «универсализация западных урбанистических моделей... игнорирует опыт Глобального Юга», — авторы критикуют «metrocentrism» и призывают «de-Westernize» для теории городов (Roy и Robinson 13).

В Казахстане это проявляется в заимствовании «гибких» архитектурных решений, заполнивших промежуточные зоны — коворкинги, лофты, которые, будучи встроены и становясь джентрифицированными районами², делают недоступными их для низкодходных групп, усиливая тем самым социальное расслоение и формируя этими инновационными методами пространственное неравенство. Конечно, можно ориентироваться на исторические модели и локальные перспективы в опыте Японии и Скандинавии, демонстрирующих синтез традиционных и современных подходов. Известный проект — манифест Кендзо Тангэ «Edo—Tokyo Metabolism» в

²Джентрифицированные районы — это городские территории, которые прошли процесс социально — экономического преобразования. В результате старые, пришедшие в упадок кварталы или промзоны становятся привлекательными для более обеспеченных жителей, что приводит к изменению их культурного, экономического и демографического облика и сочетает в себе как позитивные изменения, так и социальные конфликты

1960—е воплотил принципы философии «ваби — саби», как эстетику непостоянства — в мегаструктурах с заменяемыми модулями, в Капсульной башне Накагин (Танге52). Метаболизм является предтечей таких концепций как неономадизм на новом витке цифровизации. Аналогично, иллюстрирует тенденцию и скандинавская концепция «Modular Living» (BIG Architects), которая адаптирует исторические формы викингов: их длинные дома к требованиям мобильности и климатическим вызовам (Ingels 212). Для Казахстана концептуализация могла бы послужить основой для формирования «синтетических сред», интегрирующих подлинные кочевые традиции мобильного расселения с современными цифровыми инфраструктурами. Однако отсутствие политической воли и дефицит междисциплинарного взаимодействия затрудняет создание единой идеологической платформы, и подхода, выходящего за рамки романтизированного восприятия мобильности посткочевых сообществ, что включает в себя критический анализ их социальных последствий в различных экономических и культурных контекстах. Только с учётом этих факторов возможно предотвращать риски социальной дезинтеграции и маргинализации, возникающих в процессе адаптации традиционных форм к новым урбанистическим реалиям. Как отмечает Дмитрий Замятин, «сопространственность предполагает активное включение локальной идентичности и исторической памяти, формирующих смысловое наполнение пространства» (Замятин 213).

Результаты

Есть ли перспективы в этом отношении у цифровизации, которая является основой неономадизма, ведь уже провозглашена

программа «Цифровой Казахстан» и после пандемии увеличился контингент работающих на удалённой работе. В отношении поисков культурного брендинга происходит то возвращение к постномадическим концепциям в духе архитектурных инноваций, использующих модульные системы, где киіз үй — есть предполагаемый «степной модуль», который трансформируется — расширяется по мере поступления задач проживающих (Fernández—Götz 34—41). Для таких экспериментов пока не создана лаборатория, которая могла использовать междисциплинарный подход, усиливая концептуальную сторону сотрудничества архитекторов, социологов, IT—специалистов и еще нет правовой адаптации назревшей единицы «этнического модуля» в СН и СП РК, хотя анализ пространственных принципов кочевой единицы киіз үй как пространственного структурирования и темпорального фактора в культуре уже высказаны, но нет реализованных моделей в градостроительном и объемном проектировании (Нурдубаева 33). Неономадизм в Казахстане, характеризует не тот возврат к кочевью и сложному взаимодействию физической среды и ее жителя, а предполагает переосмысление мобильности, которая может иметь те же принципы: гибкость в модульных конструкциях, устойчивость в экологических технологиях, и региональную идентичность в самом комплексе подходов.

Существующий проект «Nomadic AI» (Монголия) демонстрирует традиции для инноваций, но задачей здесь является избежать симулякров, превращающих кочевое наследие в нерентабельную декоративную операционную систему городов будущего, а следовать функции и традиции кочевой жизнедеятельности. Необходим баланс между инновациями и устойчивостью, предполагая путь, где неономадизм становится не слепым копированием глобальных трендов, а

инструментом ревитализации локального культурного ландшафта, который находится концептуально в процессе осмысления гуманитарным сообществом Казахстана. Однако большинство проектов фокусируются на форме, а не на философии наследия и, способствуя возникновению этнодиснейлендов. Казахстанский путь в урбанистике способен артикулировать мета-принципы пространственно-временных единиц, заложенных в кочевой культуре — цикличность, мобильность и сферичность — трансформируя их в основы альтернативной пространственной парадигмы. Эти категории позволяют переосмыслить устоявшиеся дихотомии, в частности оппозицию «аутентичность — актуальность», в направлении интеграции исторического опыта с современными урбанистическими вызовами. Центральной проблемой здесь становится дилемма между музеефикацией традиции и её актуализацией в условиях модернизирующегося общества. Так, экзогамная система родства «жети ата» может интерпретироваться не только как нормативно-генеалогическая конструкция, но и как пространственно-временная схема расселения, где родовые единицы (модули) формируют локализованные модели проживания. В этом контексте она утрачивает исключительно нормативный характер и приобретает статус артефакта — как символического, так и культурно-функционального — подверженного риску превращения в объект музейной экспозиции или инструмент культурной апроприации. Аналогично, киіз үй — традиционное кочевое жилище — всё чаще репрезентируется в публичном пространстве как маркер этнографического бренда, предназначенного для туристического потребления, нежели как активная структура пространственной мысли. Тем не менее, сама логика построения киіз үй

и её символизм свидетельствуют о глубоком философско-космологическом фундаменте традиционной культуры, в которой пространство не просто «заполняется» функциями, но структурируется как онтологическая категория. Пространственное мышление, сформированное в мифопоэтической картине мира кочевников, неотделимо от знаний о бытии: оно репрезентирует единство времени, рода, маршрута и формообразования через круг, сферу, радиальность и центричность как смысловые инварианты жизнедеятельности. Именно в этом синтезе знание обретает конкретную форму, указывая на необходимость сохранения и трансформации кочевых принципов в контексте современной адаптивной урбанистики. Вопрос о неонеомадизме в контексте Казахстана требует анализа как историко — культурных корней, так и предпосылок развития в современных социально — экономических условиях, поэтому неонеомадизм на данном этапе можно определить как попытку адаптации кочевых практик с использованием цифровых технологий, устойчивых подходов экономики и гибких социальных моделей, образующих новую образовательную парадигму. Экономический контекст Казахстана является классической системой экономики с сырьевой зависимостью, где экономика ориентирована на добычу нефти, газа и минералов, что создает риски монокультурности и слабую диверсификацию, при этом урбанизация охватывает только 60% населения, а сельские регионы сохраняют связь с аграрными традициями скотоводства и земледелия советского периода. На данном этапе есть разворот к цифровизации, посредством активного внедрения IT — технологий по программе «Цифровой Казахстан» и рост процента удаленной работы. Однако, является ли это предпосылками для неонеомадизма

хотя бы в социальном и культурном аспекте. Конечно, существует историческая память: кочевая культура — часть национальной идентичности, что создает основу для реинтерпретации традиций, именно связанных с пространственными ощущениями и ожиданиями в культуре. Также, индикатором новых тенденций является мобильность экономических мигрантов среди населения, а потом уже рост числа «цифровых кочевников» — фрилансеров, IT — специалистов, число которых немного увеличилось от притока реолокантов из соседней страны, отчего и усилился интерес к альтернативным формам жизни в городской среде. Одновременно, происходит формирование идей в сфере экологического сознания населения: общее международное веяние, как стремление к устойчивому развитию в ответ на климатические вызовы — деградация почв и аральская проблема, и опустынивание и пр. упираются в экономические проблемы преодоления, посредством диверсификации: снижения зависимости от сырьевого сектора, развития креативных индустрий, что не может быть решено в отрыве от инфраструктурных объектов, которые ожидают расширения транспортных сетей как проект «Новый Шелковый путь» и необходимости развивать цифровую инфраструктуру и интернет в регионах до 99% по госпрограмме. Для обеспечения свободного перемещения по обширной территории Казахстана, конечно, должны применяться возобновляемые источники энергии (ВИЭ), унаследованные республикой в статусе технологической периферии от стран, где диверсификация энергосистемы уже произошла в силу ограниченности природных ресурсов. В этом контексте, конечно, «кочевые» модели могут рассматриваться как способ снижения антропогенной нагрузки на ландшафт. Однако, при неравномерном

развитии регионов такие модели предполагают не только возможность мобильности, но и сталкиваются с барьерами — от культурного консерватизма до социальной неготовности к экспериментальным формам пространственной организации. Если неонеомадизм существует в философичном ощущении цифровой эпохи, то это не возврат к кочевью, а революция в понимании пространства: его принципы: динамическая идентичность, когда город можно помыслить, как «сеть временных стоянок» — коворкинги, рор — ир жильё, где жители «мигрируют» между функциями: работа—отдых—обучение, учитывающей еще и эко—цикличность: ландшафтное зонирование по аналогии с кочевыми маршрутами: летние «зеленые» кварталы/зимние энергоэффективные кластеры. Сферическая, круглая, центрическая по форме пространственность кочевых казахов, исходящая от традиционной ориентационной системы и космогонических воззрений для общественного места определяет ее визуальную идентичность: возникающая иерархия и социальность, посредством круглых площадок, радиальных транспортных осей, — такие пространства не стирают иерархию «центр — периферия», и не противоречат центробежной структуре традиционной пространственной культуре кочевников, а как только воспроизводит ее в новом формате социализации «Верх/Низ». Существуют мировые параллели, которые прибавляют тезис историчности формообразования: «The Line» (Саудовская Аравия) — линейный город, отрицающий радиальную планировку, и игнорирующий культурный контекст в рамках мегаполиса NEOM представляет собой линейную урбанистическую структуру, протяжённостью 170 км, спроектированную как альтернатива радиальной и сетчатой планировке в

рамках единого каркаса, как инфраструктура с интеграцией AI для управления ресурсами, транспортом и сервисами. Проект подвергался критике за игнорирование локальной культурной идентичности номадов региона, т.к. линейная структура, футуристических концепций Linear City не учитывает исторические паттерны расселения на Аравийском полуострове, где доминировали компактные поселения оазисного кругового расселения. Эксперты отмечают диссонанс между техноцентризмом NEOM и культурным наследием бедуинских общин (Noga 14) и последствий таких постдраматических состояний (Kim & Comunian 56). В этой связи, новый город спутник Алатау вблизи Алматы призван стать городом с цифровой начинкой, и его возводят архитекторы Surbana Jurong (Сингапур) — стратегический партнер проекта, компания которая разработала мастер—план города, включая зонирование по четырем тематическим районам — Gate, Golden, Growing, Green и интеграцию умных технологий, с участками с полным обеспечением умными технологиями и это амбициозный эксперимент Казахстана в урбанистике, объединяющий глобальные тренды Smart City с локальными экономическими и культурными задачами, вне исторических концепций пространственности расселения. Правительство Казахстана — обеспечивает нормативно—правовую базу, создание специальной экономической зоны СЭЗ «Алатау» и инфраструктурные инвестиции, без визуальной и пространственной идентичности, возможно недостаточно для симбиотической системы города. Наиболее интересным по функциональной реконструкции для Казахстана является «Venice Biennale 2023» — павильон Монголии с проектом «Nomadic AI» — ИИ (Mongolia Pavilion, Venice Biennale 2023), управляющий ресурсами по принципам кочевого

животноводства, которые предполагают синтез кочевых традиций Монголии и AI, и ресурсный менеджмент алгоритмов, оптимизирующих использование воды и пастбищ на основе сезонных миграций. Происходит симбиоз аналоговых и цифровых практик при использовании датчиков IoT для мониторинга экосистем, интегрированных с устными знаниями скотоводов. Происходит обретение научной значимости пространственных принципов формообразования, когда технологии могут усиливать, а не вытеснять традиционные экологические знания, соответствуя глобальному тренду на «цифровую аборигенность» (Roy & Robinson 145). AI становится инструментом сохранения культурного наследия. Оба проекта концептуально ставят под сомнение традиционные парадигмы урбанизма, и демонстрируют противоположные подходы к культурному контексту: «The Line» воплощает технократическую утопию, игнорирующую исторические паттерны, а «Nomadic AI» предлагает модель симбиоза, где технологии служат проводником локальных знаний.

Основные положения

В статье исследуется потенциал концепции неомадизма в контексте осмысления альтернативной урбанистической парадигмы, способной синтезировать традиционные пространственные принципы кочевой культуры с инновационными возможностями цифровизации, захватившей экономические уклады развитых стран. Центральной идеей является переосмысление мобильности, цикличности и формообразования как архетипических категорий пространственно — временной организации в контексте постиндустриальной урбанизации Казахстана. На примере проектов «Nomadic AI» и «The Line»

очерчиваются контуры подходов к культурному наследию и его роли в формировании будущих городов, демонстрируя технократическую и культуроцентричную модели, что обосновывает необходимость внедрения междисциплинарного подхода при разработке исторически обоснованных этнических модулей, способных стать основой для градостроительных решений в условиях цифровой трансформации. Ключевыми аспектами предусматриваются необходимость адаптации принципов традиционного жилища киіз үй, как возможные подходы в модульных энергоэффективных конструкциях, и правовые и нормативные пробелы в регламентации таких решений заинтересованных органов, а также возможная роль государственной программы «Цифровой Казахстан» как модернизационной платформы. Обозначены социальные, технологические и философские уровни интеграции неомадизма и цифровизации как взаимодополняющих стратегий, способных обеспечить культурную устойчивость и технологическую эффективность при формировании урбанистического будущего Центральной Азии.

Заключение

Синтез традиций и инноваций дает возможность направлению Неомадизм в Казахстане переосмыслить урбанистику, адаптируя кочевые принципы традиционного пространствообразования — мобильности, цикличности и сферичности — к реалиям цифровой эпохи. Ключевой архетип пространственности — это структура мобильного жилища киіз үй (юрта), который может стать основой для модульных, энергоэффективных структур, где форма следует не только функции, но и культурной памяти. Неомадизм претендует на статус

альтернативной урбанистической модели, тогда как «Цифровой Казахстан» — на модернизационную платформу; обе стратегии могут быть синтезированы при учете культурного ландшафта в архитектурных инновациях. Практические решения предполагают многоуровневый подход: философичный уровень привносит целостность идеям объединения пространственных и временных принципов конструирования новой реальности; единство каркаса трансформируется в урбан-код, где город — сеть взаимозаменяемых модулей; социальный слой предполагает переход от «благоустройства» к созданию идентичности публичных пространств, учитывающих традиционные системы формообразований и коллективную память. Неомадизм акцентирует на социальную справедливость и идентичность, тогда как цифровизация — на масштабируемость и универсальность, а комбинация возможна через гуманизацию цифровой среды. Технологический уровень AI — это планировщики, оптимизирующие ресурсы по логике кочевой

ориентационной системы и маршрутов. Неомадизм предлагает экологически — антропологическую устойчивость, тогда как цифровизация — технологическую эффективность, а их синтез возможен при правильном управлении пространственным развитием. На основе существующих подходов какие-то технологии усиливают, а не вытесняют традиционные экологические знания, неомадизм и «Цифровой Казахстан» взаимодополняющие парадигмы, которые при условии междисциплинарного диалога могут сформировать уникальную гибридную модель урбанизма. Это модель, основанная на культурной памяти, мобильности, цифровой инфраструктуре и экологической устойчивости, способная отвечать вызовам постиндустриальной урбанизации в условиях Центральной Азии. В Казахстане созрела концептуальная база для разработки «этнического модуля» в строительных нормативах СН и СП РК на базе институции с научным отделом лаборатории с участниками: архитекторами, этнологами и IT-специалистами.

Список источников:

Arturo Soria, y Mata. *La Ciudad Lineal: Una utopía racional*. Madrid: Imprenta de la Ciudad Lineal, 1892.

Воронина, Анна. «Принципы “эко–реурбанизации” в архитектурном пространстве постиндустриального развития»: дис. канд. архитектуры: 05.23.20. Н.Новгород, 2012.

Жан-Поль, Сартр. *Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии*. Пер. с фр. Л. А. Цветкова. Москва, Республика, 2000.

Нурдубаева, Асия. *Киіз үй: структура пространственности*. Алматы, ТОО Лантар Трейд, 2021.

Нурдубаева, Асия. «Пространственность семипоколенной экзогамной системы «Жеті Ата» как основа гиперсферы в традиционных представлениях казахов». *Тюркский мир: культура и философия казахов: материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 75-летию доктора философских наук, профессора Т.Х. Габитова*, Алматы, Казахский университет, 2023, с. 57–59.

Пьер, Нора. *Между памятью и историей. Проблематика мест памяти*. СПб. Издательство, СПбГУ, 1999.

Deleuze, Gilles, and Guattari Felix. *A Thousand Plateaus*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1980.

Zygmunt, Bauman. *Liquid Modernity*. Cambridge, Polity Press, 2000.

Замятин, Дмитрий. *Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов*. СПб: Алетей, 2010.

Soja Edward, W. *Postmetropolis. Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford, Basil Blackwell, 2000.

Roy, Ananya & Jennifer Robinson. *Global Urbanisms and the Postcolonial City*. London: Routledge, 2022.

Kenzo, Tange. *The Concept of Metabolism in Architecture*. Tokyo, 1972.

Bjarke, Ingels. *Yes is More: An Archicomic on Architectural Evolution*. Köln: Taschen, 2016.

Hussein Mohamed, Alshuwaikhat, et al. “The Line, NEOM: A Critical Analysis of Sustainable Urbanism in Arid Regions.” *Journal of Urban Design*, 2023.

Kruk, Eric. *Indigenous AI: Decolonizing Artificial Intelligence*. MIT Press, 2022.

Manuel, Fernández-Götz. “Nomadic Urbanism: Lessons from the Steppe.” *Architectural Review*, 2023.

Шэрон, Зукин. “Обнажённый город. Смерть и жизнь аутентичных городских пространств”. *Экономическая социология*, 2018. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnazhyonnyy-gorod-smert-i-zhizn-autentichnyh-gorodskih-prostranstv>. Дата обращения: 16.03.2025.

Fernández-Götz, Manuel. “Nomadic Urbanism: Lessons from the Steppe.” *Architectural Review*, vol. 305, no. 1450, 2023, pp. 34–41.

References

Arturo Soria, y Mata. *La Ciudad Lineal: Una utopía racional*. Madrid: Imprenta de la Ciudad Lineal, 1892.

Voronina, Anna. Printsipy “eko-reurbanizatsii” v arkhitekturnom prostranstve postindustrial’nogo razvitiya: dis. kand. Arkhitektury [“Principles of “eco-reurbanization” in the architectural space of post-industrial development:”] 05.23.20. N.Novgorod, 2012. – 177 s.

Sartre, Jean-Paul. *Bytie i nichto: Opyt fenomenologicheskoy ontologii* [Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology.] Transl. from French L.A. Tsvetkova. Mosva, Respublika, 2000.

Nurdubaeva, Asiya. *Kiiz ui: struktura prostranstvennosti* [Kiiz ui: structure of spatiality]. Almaty, TOO Lantar Treid, 2021.

Nurdubaeva, Asiya. "Prostranstvennost' semipokolennoi ekzogamnoi sistemy 'Zheti Ata' kak osnova gipersfery v traditsionnykh predstavleniiakh kazakhov" ["The Spatiality of the Seven-Generation Exogamous System "Zheti Ata" as the Basis of the Hypersphere in Traditional Kazakh Concepts."] *Turkic world: culture and philosophy of the Kazakhs*: materials of the international scientific and practical conference dedicated to the 75th anniversary of Doctor of Philosophy, Professor T.Kh. Gabitov. November Almaty, Kazakh University, 2023, pp. 57–59.

Pierre, Nora. *Mezhdru pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati* [Between Memory and History. The Problematic of Places of Memory.] SPb: Izdatelstvo SPbGU, 1999.

Deleuze, Gilles, and Félix Guattari. *A Thousand Plateaus*. Paris: Les Éditions de Minuit, 1980. (In French)

Zygmunt, Bauman. *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press, 2000.

Edward Soja. *Postmetropolis: Critical Studies of Cities and Regions*. Oxford: Blackwell, 2000.

Ananya Roy, Jennifer Robinson. *Global Urbanisms and the Postcolonial City*. London: Routledge, 2022.

Kenzo, Tange. *The Concept of Metabolism in Architecture*. Tokyo, 1972.

Bjarke, Ingels. *Yes is More: An Archicomic on Architectural Evolution*. Köln: Taschen, 2016.

Hussein Mohamed, Alshuwaikhat, et al. "The Line, NEOM: A Critical Analysis of Sustainable Urbanism in Arid Regions." *Journal of Urban Design*, 2023.

Kruk, Eric. *Indigenous AI: Decolonizing Artificial Intelligence*. MIT Press, 2022.

Manuel, Fernández-Götz. "Nomadic Urbanism: Lessons from the Steppe." *Architectural Review*, 2023.

Sharon, Zukin. «Obnazhenny gorod. Smert' i zhizn' autentichnykh gorodskikh prostranstv.» *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, 2018, No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obnazhyonnyy-gorod-smert-i-zhizn-autentichnyh-gorodskih-prostranstv>. Date of access: 16.03.2025.

Nurdubaeva Asiya

Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts
(Almaty, Kazakhstan)

FROM NOMADIC CAMPS TO NOMADOPOLISES: URBANISM OF KAZAKHSTAN BETWEEN HERITAGE AND AI

Abstract. In the context of global urban challenges, the search for sustainable development models tailored to cultural and territorial characteristics becomes increasingly relevant. This study explores the potential of transforming nomadic heritage as the conceptual foundation of a new urban paradigm known as neonomadism, which merges mobility, digital technologies, ecologically balanced environments, and symbolic cultural practices. The focus is on the system of kinship and sacred toposes in the spatial organization that underpins conceptual identity formation. The research poses the problem of space as not merely a physical shell, but a carrier of cultural semantics that shapes behavioral and cognitive habitation scenarios. It emphasizes that traditional nomadic spatial structures of thought and lifestyle can be reactivated within contemporary urban culture, offering principles of sustainable, nonlinear development. Space is viewed as a living organism that evolves with routes, memory, rituals, and symbolic meanings embedded in the cultural landscape. It redefines the notions of center and periphery through cyclical and flexible patterns that decentralize environments, allowing for interspatial adaptability and localization. Neonomadism is considered as a design philosophy capable of merging traditional forms with modern demands on the digitalization platform, addressing migration flows, climate instability, and the growing alienation from existing environments, and offering a new cultural logic of form-making and territorial empathy restoration.

Keywords: Neonomadism, urbanism of Kazakhstan, cultural sustainability, technological advancement, nomadic heritage, adaptive urbanism, digital platforms.

Cite: Nurdubaeva, Asiya. "From Nomadic Camps to Nomadopolises: Urbanism of Kazakhstan Between Heritage and AI." *Central Asian Journal of Art Studies*, Vol. 10, No. 2, 2025, pp. 113–134, DOI: 10.47940/cajas.v10i2.1079

Acknowledgments: The author expresses gratitude to the editorial board of the Central Asian Journal of Art Studies for editorial supervision and methodological support in the process of preparing the article for publication. This research has been funded by the Science Committee of the Ministry of Science and Higher Education of the Republic of Kazakhstan (Grant No.BR28511965).

The author have read and approved the final version of the manuscript and declare no conflicts of interests.

Нурдубаева Асия

Қазақская национальная академия искусств имени Темирбека Жургенова
(Алматы, Казахстан)

КӨШПЕНДІЛЕРДЕН НОМАДОПОЛИСКЕ ДЕЙІН: ҚАЗАҚСТАН УРБАНИСТИКАСЫ МҰРА МЕН ЖАСАНДЫ ИНТЕЛЛЕКТ АРАСЫНДАҒЫ КЕҢІСТІКТЕ

Аннотация. Жаһандық урбанистикалық сын-тегеуріндер жағдайында мәдени және аумақтық ерекшеліктерге бейімделген тұрақты даму модельдерін іздеу өзекті бола түсуде. Бұл зерттеуде неонеомадизм деп аталатын жаңа урбанистикалық парадигманың тұжырымдамалық негізі ретінде көшпелі мұраны қайта пайымдау мүмкіндігі қарастырылады, ол мобильділікті, цифрлық технологияларды, экологиялық теңдестірілген орта құрылымын және мәдениеттің символикалық практикаларын біріктіреді. Назар кеңістік құрылымында тектік жүйелер мен киелі топстардың кеңістік бірегейлігін қалыптастырудағы рөліне аударылады. Мәселе ретінде кеңістік тек физикалық қабық қана емес, сонымен қатар, мәдени семантиканың тасымалдаушысы ретінде қарастырылады, ол мінез-құлық пен когнитивтік өмір сүру сценарийлерін қалыптастырады. Көшпелі өмір салты мен кеңістіктік ойлаудың дәстүрлі құрылымдары тұрақты әрі сызықты емес даму қағидаттарын ұсына отырып, заманауи қала мәдениетінде өзекті бола алатындығы атап көрсетіледі. Бұл тұрғыда кеңістік – бұл бағыттар, жад, ритуалдар мен мәдени ландшафқа ендірілген символикалық мәндерге байланысты өзгеретін тірі организм ретінде қарастырылады. Центр мен периферия ұғымдары циклдік және икемділік арқылы қайта қарастырылады, ортаны децентрализациялап, кеңістікаралық бейімделу мен локализацияға жол ашады. Неонеомадизм дәстүрлі формаларды заманауи қажеттіліктермен ұштастыра алатын балама философиялық жоба тұжырымдамасы ретінде қарастырылады, ол цифрландыру, көші-қон ағындары, климаттық тұрақсыздық пен климаттық тұрақсыздық пен қолданыстағы ортадан шеттену жағдайында мәдени формаларды қайта қалыптастыру жағдайында мәдени формаларды қайта қалыптастыру мен территориялық эмпатияны қалпына келтіру логикасын ұсынады.

Түйінді сөздер: неонеомадизм, Қазақстан урбанистикасы, мәдени тұрақтылық, технологиялық прогресс, көшпелі мұра, бейімделмелі урбанистика, цифрлық платформалар.

Дәйексөз үшін: Нурдубаева, Асия. “Көшпенділерден номадополиске дейін: Қазақстан урбанистикасы мұра мен ЖИ арасындағы кеңістікте”. *Central Asian Journal of Art Studies*, т. 10, № 2, 2025, 113–134 б., DOI: 10.47940/cajas.v10i2.1079

Алғыс: Автор мақаланы баспаға дайындау процесінде редакциялық бақылау мен әдістемелік қолдау көрсеткені үшін Орталық Азия өнертану журналының редакциялық алқасына алғысын білдіреді. Бұл мақала жобаның қаражаты есебінен жарияланды (қаржыландыру көзі: Қазақстан Республикасы Ғылым және жоғары білім министрлігінің Ғылым комитеті BR28511965).

Автор қолжазбаның соңғы нұсқасын оқып, мақұлдады және мүдделер қайшылығы жоқ екендігін мәлімдейді.

Автор туралы мәлімет:

Нұрдубаева Әсия Русланқызы
— сәулет ғылымдарының
кандидаты, «Дизайн»
кафедрасының доценті,
Темірбек Жүргенов атындағы
Қазақ ұлттық өнер академиясы
(Алматы, Қазақстан)

Сведения об авторе:

Нурдубаева Асия Руслановна
— кандидат архитектуры, доцент
кафедры «Дизайн», Казахская
национальная академия искусств
имени Темирбека Жургенова
(Алматы, Казахстан)

Information about the author:

Nurdubaeva Asiya Ruslanovna
— PhD in Architecture, Associate
Professor of the Department of
Design, Temirbek Zhurgenov
Kazakh National Academy of Arts
(Almaty, Kazakhstan)

ORCID ID: 0000-0002-4036-6838
E-mail: 01nurasya@mail.ru